

Деепричастие в позиции независимого сказуемого как проблема современной нормы

деепричастие, независимое сказуемое, таксис, норма и узус

В лингвистической и методической литературе, посвященной вопросам синтаксической нормы, рассмотрение ошибочного употребления деепричастного оборота стало уже общим местом. Тем не менее в письменных работах школьников, в Интернет-дискурсе встречаются ошибки, которые могут претендовать на новизну для современного русского языка. В статье речь пойдет об одном нарушении нормы, которое во многом является показателем развития языка XXI в., – употребление деепричастного оборота в независимой позиции.

Деепричастие относят к нефинитным формам глагола на основании того, что с точки зрения морфологии его форма не изменяется, а с точки зрения синтаксиса деепричастие не организует законченного предложения. Синтаксическую функцию деепричастия в предложении обычно обозначают как функцию осложненного члена предложения [Чуглов 2012: 25], категорией которого является полупредикативность – отсутствие способности выступать в качестве *verbum finitum* в предложении [Камынина 1974: 31].

В «Теории функциональной грамматики» зависимый характер деепричастия подчеркивается тем, что данную глагольную форму считают центром поля зависимого таксиса: «В русском языке зависимый таксис, выраженный деепричастием, определяется как указывающий на сообщаемый факт, сопутствующий другому, главному сообщаемому факту» [Теория 2006: 234].

Поэтому проблема нормативного употребления деепричастия обычно касается нарушения согласования с субъектом основного предложения, и, хотя в рамках допустимой «серой зоны» узуса могут рассматриваться деепричастия с союзной связью, вопрос о независимом употреблении деепричастия при этом не ставится.

Между тем обнаруженные в Интернет-дискурсе и школьных сочинениях ошибки свидетельствуют о том, что деепричастие не всегда мыслится как синтаксически зависимая форма.

Все выявленные случаи употребления деепричастия в независимой позиции можно распределить по четырем группам с точки зрения степени синтаксической свободы деепричастия.

Первую группу составляют примеры союзных деепричастных конструкций. Например, *Хотя имея все возможности для жизни, для творчества и для борьбы, но поколение бездействует*. В этом предложении деепричастие употреблено в составе сложного предложения с уступительно-противительными отношениями. О.М. Чупашева замечает, что в языке возможно сочетание деепричастий с подчинительными союзами, в частности с союзом *хотя*, однако союзы, как правило, выступают как семантическое дополнение к грамматической зависимости деепричастия [Чупашева 2008: 85–86]. В приведенном примере союз *хотя*, действительно, выступает в большей мере как семантическое средство, дополняющее связь предикатов, однако наличие сочинительного союза *но* между финитным глаголом и деепричастием (*имея, но бездействуя*) подчеркивает равноправный характер предикатов. Получается, что говорящий строит сложное предложение, но придаточную часть почему-то дополнительно маркирует зависимым предикатом.

Другую группу представляют деепричастия, соединенные с глаголом-сказуемым сочинительной связью. Например, *Теперь сидя дома у компа и рассуждаешь какие дураки раз пошли в армию*. В этом примере говорящий меняет грамматические связи в предложении: ориентируясь на семантику глагольных корней, он создает грамматическую равноправность предикатов, соединенных сочинительным союзом и связанных отношениями одновременности. При этом с точки зрения семантики форма *сидя* указывает на положение в пространстве, в то время как глагол *рассуждаешь* обозначает ментальное действие. Видимо, говорящий, оформляя положение в пространстве деепричастием, делает акцент на более важном глагольном действии.

Третью группу представляют собой парцеллированные деепричастные конструкции. При этом парцелляция может быть связана с тем, что говорящий домысливает сказанное, например: *Чичиков – молодой помещик, который решил за счет других нажиться хитрым способом, собирая мертвые души крестьян. Заезжая к помещикам и выкупая их*. Деепричастная конструкция поясняет предыдущее

предложение, при этом пояснительный союз (*то есть/ а именно*) опущен. Говорящий не мыслит данную конструкцию вне связи с предыдущим предложением, поэтому и не видит ненормативности в таком употреблении деепричастия: для него деепричастия связаны с субъектом *Чичиковым* и предикатом *решил*.

Наконец, в четвертую группу можно отнести деепричастные конструкции и одиночные деепричастия, которые являются средством намеренной парцелляции. Например, *Ты испугался армии купил военник – убил уважение к себе. Испугавшись* (орф. источника сохранена). В современном узусе такие конструкции выполняют эмфатическую функцию, их использование повышает интонационную эмоциональность текста.

Зависимость деепричастного оборота от основной части предложения обычно сводится к грамматической зависимости, которая выражается в синтаксическом согласовании деепричастия с основным предикатом по категориям времени и модальности и семантической связи субъекта действия, названного деепричастием, с субъектом предложения. Требования нормы в основном представляют собой меры по предотвращению двусмысленности, смысловому упрощению. В рассмотренных примерах оба параметра не нарушаются: глагольные категории и субъект восстанавливаются из контекста, следовательно, двусмысленности возникнуть не должно, однако эти конструкции рассматриваются как ненормативные.

Поскольку предикативность в русском языке связана с финитностью, постольку к нормативным деепричастным конструкциям причисляют те, которые ограничены рамками предложения. Если деепричастие выходит за рамки предложения в текст, образуя текстовые, межпредложенческие связи, то, хотя конструкция сохраняет синтаксическую связь с глаголом-сказуемым, она все равно расценивается как ненормативная.

Анализ рассмотренных ошибок позволяет сделать вывод, что в спонтанной письменной речи у деепричастия может нивелироваться значение зависимого таксиса и усиливаться роль семантики глагольного корня. Кроме того, выход деепричастной конструкции за рамки предложения подчеркивает тенденцию деепричастия к установлению текстовой, надпредложенческой связи с предикатами.

Статья подготовлена в рамках проекта «Некодифицированная русская речь XXI века: грамматическая вариативность. Первый этап» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Литература

Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) / М.Я. Гловинская. Текст: непосредственный // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.; Отв. ред. Е.А. Земская]; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 237–304.

Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении: монография / Е.Ю. Калинина. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – 221 с.

Камынина А.А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении [Текст] / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Науч.-метод. кабинет по заоч. и вечер. обучению Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 52 с.

Теория функциональной грамматики: введение, актуальность, временная локализованность, таксис: [монография] / [редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.]. – 4-е изд., стер. – М.: URSS, 2006 (М.: Ленанд). – 347 с.

Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Чуглов Владимир Иванович; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. – Ярославль, 2012. – 45 с.

Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: монография / О.М. Чупашева; Федеральное агентство по образованию, Мурманский гос. пед. ун-т. – Мурманск: МГПУ, 2008. – 197 с.